

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

Н. В. ГОГОЛЬ,

ТВОРЧЕСТВО ЕГО, ЛИЧНОСТЬ И ЭПОХА — ВЪ НОВОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

- Н. Котляревскій. Н. В. Гоголь. Очеркъ изъ исторіи, русской повѣсти и драмы. 1829—1842. Слб. 1903.
- Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Н. В. Гоголь. Изданіе редакціи журнала „Вѣстникъ Воспитанія“. М. 1903.
- В. В. Каллашъ. Основныя черты личности и творчества Н. В. Гоголя. М. 1902.
- Памяти Гоголя. Научно-литературный сборникъ, изданный Историческимъ обществомъ Нестора-лѣтописца, подъ ред. Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1902 (?).

Научное изученіе Гоголя, какъ художника и человѣка, представляетъ нелегкую задачу. Кто берется за рѣшеніе ея, долженъ совмѣщать въ себѣ, въ одно и то же время, и вдумчиваго историка литературы, охватившаго культурное и умственное содержаніе эпохи, которая выдвинула замѣчательнаго писателя, — и тонкаго психолога, способнаго освѣтить недоступный простому наблюденію міръ сложныхъ и странныхъ противорѣчій въ душѣ художника-гражданина, трагическую борьбу божественнаго съ человѣческимъ. Всесторонняго изслѣдованія въ этомъ отношеніи пока еще преждевременно требовать отъ ученыхъ, посвящающихъ свои работы отдѣльнымъ вопросамъ изученія жизни и творчества Гоголя, тѣмъ болѣе, что хотя общія черты Гоголевской эпохи и обозначились въ историческомъ пониманіи, ея содержаніе далеко еще не стало матеріаломъ научнаго изученія, а громадная работа, потраченная на установленіе точныхъ фактовъ жизни и подлиннаго текста писателя, нуждается въ дальнѣйшемъ, уже психологическомъ анализѣ и обобщеніяхъ философскаго свойства.

На пути къ этимъ конечнымъ цѣлямъ мы должны особенно приѣтствовать появленіе такого рода работъ, какъ изслѣдованіе Н. А. Котляревскаго. Задавшись цѣлью выяснитъ вопросъ о томъ, какое положеніе занимаютъ произведенія Гоголя въ раду современныхъ ему памятниковъ словеснаго творчества, г. Котляревскій свелъ свою работу на почву историко-литературнаго изслѣдованія о роли Гоголя въ той общей работѣ всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся писателей его времени, которая была направлена на сближеніе литературы съ жизнью. „У Гоголя были помощники, — говоритъ авторъ, — писатели, которые своими трудами прокладывали ему дорогу или вмѣстѣ съ нимъ.

трудились надъ одной задачей, и даже болѣе пристально присматривались иногда къ нѣкоторымъ сторонамъ жизни, на которыя нашъ сатирикъ не успѣлъ обратить должное вниманіе". Самая постановка вопроса возбуждаетъ высокій интересъ, еще усиливаемый тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рѣшеніи его давно уже чувствовалась настоятельная потребность, какъ для дальнѣйшаго хода работъ по изученію Гоголя, такъ и для мотивированно-правильной и объективной историко-литературной его оцѣнки.

Книга г. Котляревскаго интересна по своему содержанию, уясняющему ту историческую почву, на которой развилось творчество Гоголя, и чрезвычайно привлекательна по характеризующему автора изяществу и, мѣстами, блеску изложенія. Мы привыкли къ тому, чтобы встрѣчать въ критикѣ художественныхъ произведеній какъ бы преднамѣренную сухость и безжизненность, принимаемая многими въ качествѣ признаковъ патентованной учености, и въ этомъ отношеніи книга г. Котляревскаго должна быть отнесена къ числу, несомнѣнно, отрадныхъ явленій нашей литературы. Между авторомъ и читателемъ сразу устанавливается какая-то—а priori—дружественная связь, среда задумчивости и поэтической грусти, сквозь призму которой чувствуется не только объективное наблюденіе предмета, но и душевное къ нему участіе. И нисколько не теряя въ своей научности, книга читается, какъ занимательная и облагораживающая повѣсть. Мѣткія характеристики, остроумныя сопоставленія, поэтическая дымка при передачѣ романтическихъ настроеній,—все это проникнуто чувствомъ художественнаго такта самого автора и выѣстъ съ тѣмъ соответствуетъ основному предмету книги—раскрыть не столько всѣ тайныя и явныя пружины творчества и жизни Гоголя, сколько рассказать о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ это оригинальное творчество и личность развивались и просвѣтлялись самосознаніемъ художника и гражданина.

Не признавая въ творествѣ Гоголя никакихъ рѣзкихъ переломовъ или поворотовъ, г. Котляревскій дѣлитъ, тѣмъ не менѣе, исторію его литературной дѣятельности на двѣ эпохи, изъ которыхъ одна характеризуется расцвѣтомъ преимущественно художественнаго творчества поэта, а другая—стремленіемъ его осмыслить и понять жизнь, исключительно какъ проблему этическую и религіозную. Но авторъ не беретъ на себя задачи выяснить объ эти эпохи сполна; его цѣль—дать характеристику лишь тѣхъ лѣтъ дѣятельности Гоголя, когда онъ былъ по преимуществу художникомъ-бытописателемъ, и религіозныя, нравственныя и общественныя идеи были для него, сравнительно съ художественнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, на второмъ планѣ.

Намъ хотѣлось бы познакомить читателей съ основными выводами

и характеромъ изложенія г. Котляревскаго. Но сдѣлать это, по отношенію ко всей книгѣ, не особенно легко. Построенная чрезвычайно законченно и отчетливо, отличающаяся тою степенью стройности, которую жаль разрушать сокращеннымъ изложеніемъ, она не особенно поддается пересказу, и мы ограничимъ свою задачу тѣмъ, что остановимся лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, интересныхъ сторонахъ, посвященныхъ, съ одной стороны, характеристикѣ современной Гоголю литературы, а съ другой—заключительнымъ выводамъ автора.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Гоголь только вступалъ на литературное поприще, критическая мысль шла впереди художественной, и прежнія литературныя традиціи, классическія, сентиментальныя и романтическія, были уже подорваны критикой. Последняя, еще съ середины двадцатыхъ годовъ, стала предъявлять опредѣленные требованія къ литературѣ, сводившіяся къ установленію самобытныхъ сюжетовъ и національных пріемовъ въ творествѣ. Изъ молодыхъ критиковъ того времени выдавались—Кюхельбекеръ (въ „Мнемозинѣ“), Александръ Бестужевъ (альманахъ „Полярная Звѣзда“), Веневитиновъ („Московский Вѣстникъ“), Сомовъ и кн. Вяземскій (въ „Московскомъ Телеграфѣ“), позже—И. В. Кирѣевскій (въ „Европейцѣ“), Полевой (въ „Московскомъ Телеграфѣ“), Надеждинъ (въ „Телескопѣ“). Критики судили съ различныхъ точекъ зрѣнія, но совпадали въ конечномъ выводѣ. Авторъ формулируетъ послѣдній такимъ образомъ: „Содержаніе и форма русской словесности не соотвѣтствуетъ тому положенію, которое Россія заняла среди иныхъ цивилизованныхъ націй міра и не соотвѣтствуетъ также тѣмъ національнымъ формамъ быта и тому національному смыслу, который, безспорно, заключенъ въ нашей народной и государственной жизни. Мы—нація съ физиономіей самобытной, нація, развившаяся иначе, чѣмъ другія, и уже имѣющая нѣкоторыя заслуги передъ культурнымъ міромъ, и тѣмъ не менѣе отраженіе нашей жизни въ искусствѣ до сихъ поръ было и остается пародіей искусства западнаго, несмотря на присутствіе среди насъ большихъ талантовъ, обѣщающихъ многое въ будущемъ. У насъ нѣтъ ни силы, ни умѣнья провести нашу національную идею въ нашемъ художественномъ творествѣ, отлить ее въ самобытную форму: въ художникахъ нашихъ совсѣмъ еще не развито чутье народности“... Таковъ былъ приговоръ тогдашней критики.

Этотъ приговоръ былъ не вполне справедливъ, такъ какъ нельзя было отнимать у писателя званіе „народнаго“ только потому, что онъ былъ подражателемъ въ сюжетѣ или формѣ своихъ произведеній, и въ смыслѣ выраженія чувствъ и настроеній опредѣленныхъ круж-

ковъ „русской“ интеллигенціи своего времени, были одинаково народны и Батюшковъ, и Жуковскій. Но критика была безусловно права въ томъ отношеніи, что наша словесность, дѣйствительно, очень мало отражала нашу дѣйствительность, предпочитая ей иные вѣка и бытъ иныхъ народовъ. Искусство давало слишкомъ блѣдное представленіе о той сложной, пестрой и разнообразной по идеямъ, чувствамъ и настроеніямъ жизни, которой жили разные классы нашего общества. Заслуга Гоголя, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Гоголя— „нашего перваго реалиста въ искусствѣ“,—и стоитъ въ непосредственной связи съ вопросомъ объ отраженіи нашей жизни въ литературѣ.

„А наша дѣйствительность тѣхъ лѣтъ,—говоритъ авторъ,—могла по праву горевать о томъ, что было такъ мало художниковъ, ея достойныхъ.“

„Это была дѣйствительность, отливавшая самыми разнообразными оттѣнками мысли и чувства. Вѣкъ дѣятельный и тревожный, за которымъ слѣдовала эпоха сосредоточеннаго раздумья—иной разъ очень печальнаго. Вѣкъ броженія идей и подъема чувствъ, и затѣмъ годы замиренія и притиханія ума и сердца.“

„Эпоха Александра I могла въ особенности дать много матеріала для историка, психолога и художника“...

Давъ сжатую, но яркую и образную характеристику Александровской эпохи, авторъ ставитъ вопросъ: какъ же воспользовался всѣмъ этимъ матеріаломъ художникъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ? „Онъ, свидѣтель царствованія Александра и свидѣтель первыхъ годовъ новаго царствованія, уловилъ ли онъ смыслъ или хотя бы только видѣнную форму того историческаго процесса, который передъ нимъ развернулся?“

Завѣщанная XVIII вѣкомъ тенденція сближенія искусства съ жизнью не исчезла и въ началѣ XIX, но развитіе ея не соответствовало тому приросту литературныхъ силъ, который появился въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Талантовъ явилось много и даже сильныхъ, но изъ нихъ склонность къ реальному возсозданію нашей жизни обнаружили немногіе, притомъ наиболѣе слабые: даровитые писатели либо заимствовали сюжетъ изъ жизни не-русской и не-современной, либо уходили въ изображеніе своихъ личныхъ ощущеній.

Для доказательства своего положенія авторъ останавливается на значеніи дѣятельности Крылова, Жуковскаго, Батюшкова, Грибоѣдова, Пушкина и цѣлой плеяды нынѣ уже забытыхъ писателей, Нарѣзнаго, Полевого, Марлинскаго, Булгарина, Вѣгичева и др. Мѣткими и рѣзкими штрихами очерчена роль Грибоѣдова въ уясненіи историческаго смысла эпохи. „Важна въ данномъ смыслѣ,—говоритъ авторъ,—не столько яркая типичность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ

лицъ, какъ, напр., московскаго барина, въ которомъ сановитое чиновничество соединилось съ нѣкоторой аристократическою распущенностью помѣщика, или его пріятеля, полковника аракеевской выправки ума и тѣла, или его гостей — этихъ рѣдкихъ экземпляровъ дворянской кунсткамеры, или, наконецъ, его секретаря — чиновника изъ лакеевъ или лакея изъ чиновниковъ; важнѣе всѣхъ этихъ живыхъ портретовъ то изумительное пониманіе современной минуты, которое выказалъ Грибоѣдовъ, когда всѣмъ этимъ сложившимся и опредѣленнымъ цѣльнымъ типамъ, всѣмъ этимъ олицетвореніямъ общественной неподвижности, онъ противопоставилъ типъ совсѣмъ неустановившагося молодого человѣка, выразителя стремленій и думъ молодежи. Пониманіе эпохи и выразилось, главнымъ образомъ, въ недоговоренности и нецѣльности этого молодого типа, въ которомъ соединены, какъ въ фокусѣ, всѣ нити тогдашней молодой мысли, мысли иногда противорѣчивой и неясной, но зато дѣйствительно современной. Чацкій — и славянофилъ, и западникъ, и сентименталистъ, и человѣкъ скептическаго и холоднаго разсудка, и вмѣстѣ съ тѣмъ эсзальтированный юноша, т.-е. въ немъ, какъ въ сводномъ типѣ, соединены противорѣчія, которыя въ живомъ лицѣ непонятны, но въ типѣ сводномъ могутъ быть вполне истолкованы и соглашены. Онъ — выразитель броженія молодыхъ чувствъ и идей, поставленный среди лицъ съ установившимися неподвижно взглядами и понятіями, и этотъ контрастъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ любопытныхъ историческихъ контрастовъ того времени. Грибоѣдовская комедія первая его отмѣтила и первая заставила о немъ подумать“.

Характеристикъ, подобныхъ приведеннымъ, не мало въ книгѣ г. Котляревскаго. Въ нихъ сказывается не только опытный изслѣдователь, но и тонкій любитель литературы, надѣленный лично недюжиннымъ художественнымъ дарованіемъ.

Художественное дарованіе въ ученомъ изслѣдователѣ имѣеть свои особенности, среди которыхъ нерѣдко видную роль играетъ нѣкоторая неуравновѣшенность, неровность, такъ сказать, въ распредѣленіи темперамента, поскольку послѣдній отражается на ходѣ ученаго изслѣдованія. Это сказывается мѣстами и въ книгѣ Н. А. Котляревскаго, но особенно это можно подмѣтить на характеристикѣ Пушкина, въ его отношеніяхъ къ реализму въ нашей литературѣ. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, характеристика Пушкина вышла у автора блѣдной и далеко не полной. По отзыву г. Котляревскаго, Пушкинъ, при своей замѣчательной способности на все въ мірѣ откликаться, всего рѣже откликался, какъ художникъ, на за-

просы современной ему русской жизни. Авторъ ограничиваетъ понятіе „какъ художникъ“ отъ работъ Пушкина въ качествѣ критика, историка и публициста. Но именно по отношенію къ Пушкину такое разграниченіе невозможно. Если взять дѣятельность Пушкина, въ ея цѣломъ, не исключая его богатѣйшей переписки, какъ это авторъ дѣлаетъ относительно Гоголя, то трудно будетъ согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что Пушкинъ избѣгалъ современныхъ темъ и неохотно брался за изображеніе дѣйствительности, и что—„во всемъ, что Пушкину пришлось обнародовать до появленія произведеній Гоголя, современность была слабо представлена“. Знаменательно было уже и то обстоятельство, что въ художникѣ все время не переставалъ сказываться публицистъ, искавшій выраженія тѣмъ идеямъ и фактамъ дѣйствительности, о которыхъ съ большей свободой и непосредственностью можно было бы говорить безъ границъ и неизмѣнныхъ условностей поэтического изложенія. Можно согласиться, пожалуй, съ тѣмъ, что если Пушкинъ, тѣмъ не менѣе, не сдѣлалъ всего, что онъ могъ бы сдѣлать, судя по неконченнымъ работамъ, то, какъ говоритъ авторъ,—„тому были психологическія и иныя причины“;—вѣрнѣе—*инныя* и психологическія, а среди этихъ *инныхъ* причинъ играла не послѣднюю, если не первую роль—тяжесть политическихъ и общественныхъ условій, давившая его несравненно сильнѣе, чѣмъ позже Гоголя. Только значительно приподнявъ оцѣнку того, что было сдѣлано Пушкинымъ въ области художественной дѣятельности, можно было бы принять слова автора о томъ, что „такое позднее (посмертное) появленіе нѣкоторыхъ изъ его произведеній, написанныхъ съ удивительнымъ пониманіемъ дѣйствительности, не вознаграждало нашъ реализмъ въ искусствѣ за ту потерю, которую онъ понесъ отъ незнакомства съ этими опытами Пушкина въ свое время, когда онъ, этотъ реализмъ, боролся за свое существованіе“.

Останапливаясь на писателяхъ второстепенныхъ, авторъ считается съ ними, поскольку ихъ сочиненія давали бытописательный матеріалъ. „Этотъ матеріалъ,—замѣчаетъ онъ,—изъ жизни дѣйствительной подбирали нашими писателями съ разными цѣлями, не всегда только художественными“. Такъ, прежде всего въ романѣ Измайлова „Евгеній“ на первомъ планѣ стояла дидактическая цѣль; позже нѣсколько выступилъ Карамзинъ. Попытки реального романа у Нарѣжнаго и затѣмъ Булгарина, особенно у перваго, вышли уже гораздо серьезнѣе. Характеристика Нарѣжнаго, долгое время не пользовавшагося вниманіемъ критики, принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ у г. Котляревскаго. Нарѣжный былъ талантливый, вдумчивый и смѣлый писатель. „Разсматривая ихъ (нравоописательные романы Нарѣжнаго), какъ историческій памятникъ, мы убѣждаемся, что Нарѣжный обла-

даль большими чутьемъ дѣйствительности, и что ему удалось освѣтить въ своихъ романахъ такія стороны жизни, которыхъ не касались его современники "... „Его романъ („Два Ивана“) отнюдь не былъ „забавнымъ“ романомъ, несмотря на массу истинно-комическихъ подробностей, даже балаганныхъ сценъ, которыми авторъ испестрилъ свою повѣсть. По основной идеѣ это была сатира социальная, въ которой писатель гнался за правдоподобностью, за вѣрными бытовыми красками, за оригинальностью въ языкѣ“. Умѣя отличать въ нашей жизни существенное отъ случайнаго, Нарѣзанный— „былъ явленіемъ рѣдкимъ, и среди нашихъ позднѣйшихъ реалистовъ Николаевской эпохи мы не найдемъ достойнаго ему по смѣлости замѣстителя“.

Безпристрастная оцѣнка дана г. Котляревскимъ знаменитому Булгарину. „Онъ, какъ литераторъ,—говоритъ авторъ,—имѣлъ свои безспорныя заслуги, и нелюбовь къ нему, какъ къ человѣку, не должна мѣшать правильной оцѣнкѣ его дѣятельности какъ журналиста и писателя“. Но для роста литературы Булгаринъ сдѣлалъ мало. „Многое въ данномъ случаѣ зависѣло отъ темперамента самого писателя: Булгаринъ былъ по природѣ своей человѣкъ трусливый, который всегда боялся сказать не у мѣста что-нибудь лишнее. Настоящаго темперамента сатирика въ немъ не было, не много было и чисто литературнаго таланта. Всего вѣрнѣе будетъ, если мы его отчислимъ въ группу сентименталистовъ, проповѣдниковъ обиденной несложной морали, при вышней имѣть дѣло съ самыми будничными добродѣтелями“. Гораздо богаче содержаніемъ были статьи Полевого, собранныя имъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ „Новомъ живописцѣ общества и литературы“. Злая и мѣткая шутка надъ очень серьезными сторонами жизни— вотъ ихъ главное достоинство.

Истинный реализмъ началъ проявляться въ литературѣ достаточно ясно, но— „критика не замѣтила и не оцѣнила его по достоинству“. Тѣмъ не менѣе, попытки реального воспроизведенія нашей тогдашней жизни свое дѣло сдѣлали: „онѣ готовили общество къ достойной встрѣчѣ истиннаго таланта, въ созданіяхъ котораго ихъ тенденція настоящаго реализма и народности должна была восторжествовать окончательно... и такой талантъ на заставилъ себя ждать долго“.

Это былъ Гоголь.

Выяснивъ, такимъ образомъ, критическіе взгляды, существовавшіе въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, и подготовительную работу писателей-реалистовъ, г. Котляревскій переходитъ къ творчеству Гоголя и послѣдовательно рассматриваетъ одно произведеніе за другимъ. Здѣсь авторъ не столько интересуется фактической стороной произведенія, исторіей его текста и совпаденіями въ сюже-

такъ съ другими писателями, сколько тѣмъ внутреннимъ міромъ, въ которомъ жилъ художникъ въ періодъ созданія того или другого произведенія, смѣной и борьбой настроеній и идей, оставившей слѣды въ творчествѣ. Изслѣдуя „Вечера на хуторѣ“, авторъ отмѣчаетъ въ нихъ смѣшеніе романтизма съ реализмомъ, фантастическій элементъ, идеализацію, отступленія отъ бытовой правды. Біографія, игравшая столь видную роль въ творчествѣ поэта, естественно входитъ въ изложеніе автора, но не выступаетъ на первый планъ, являясь лишь необходимымъ матеріаломъ для поясненія особенностей творчества, внутренняя исторія котораго даетъ основное содержаніе всѣмъ послѣдующимъ главамъ книги. За рассказомъ о петербургскомъ періодѣ жизни, отмѣченномъ колебаніями въ приѣмахъ творчества, когда Гоголь былъ „романтикомъ-энтузіастомъ въ борьбѣ съ бытописателемъ-юмористомъ“, причѣмъ послѣдній взялъ верхъ (въ этотъ періодъ) надъ первымъ, слѣдуетъ характеристика взглядовъ Гоголя на искусство, въ которыхъ уже наглядно сказался разладъ мечты и дѣйствительности, какъ онъ отразился въ такихъ повѣстяхъ, какъ „Портретъ“, „Невскій Проспектъ“, „Записки Сумасшедшаго“, и статьяхъ объ искусствѣ.

Говоря объ увлеченіи Гоголя исторіей и произведеніяхъ этого періода, авторъ даетъ попутно очеркъ нашей исторической повѣсти, останавливаясь на главнѣйшихъ видахъ этого рода литературныхъ произведеній, съ тѣмъ, „чтобы указаніемъ на ихъ достоинства и недостатки лучше оцѣнить то преимущество, которое надъ всѣми ними имѣетъ рассказъ Гоголя“. Здѣсь отмѣчаются снова—Нарѣжный, Марлинскій, охарактеризованный въ этомъ случаѣ „если не отсутствіемъ, то меньшимъ подчеркиваніемъ всевозможныхъ патріотическихъ тенденцій“; затѣмъ Загоскинъ, съ своимъ „фальшивымъ“ Юріемъ Милославскимъ, Лажечниковъ, Полевой. Въ этотъ періодъ Гоголь, по словамъ автора,—„какъ печальникъ о разладѣ мечты и дѣйствительности, какъ мечтатель-поэтъ, которому трудно отвѣтить на вопросъ—чему служить его вдохновеніе, въ чемъ заключена его тайна и его земное назначеніе, наконецъ, какъ любитель старины, въ которой онъ искалъ не безпристрастной истины, а подтвержденія своихъ думъ и симпатій, Гоголь тридцатыхъ годовъ—сынъ своего романтическаго поколѣнія.

„Но въ немъ одновременно созрѣвалъ творецъ иного литературнаго направленія, отъ развитія котораго наше самосознаніе должно было такъ много выиграть впоследствии“. Послѣдовательному изложенію процесса выработки въ писателѣ этого новаго, истинно-реальнаго направленія, посвящены остальные главы изслѣдованія Н. А. Котляревскаго. Особенное значеніе имѣютъ его положительно блестящія страницы по вопросу о томъ, кого слѣдуетъ признать отцомъ нашего реального романа: Пушкина, Лермонтова или Гоголя? Авторъ

рѣшаетъ его такимъ образомъ: Пушкинъ былъ первый по времени, достигшій сочетанія правды съ жизнью, а Гоголь—по полнотѣ и широтѣ изображенія дѣйствительности. „Картина русской жизни, набросанная нашимъ сатирикомъ, была несравненно полнѣе и шире, чѣмъ все, что было въ этомъ направленіи создано его предшественниками и современниками. Только прочитавъ Гоголя, мы могли сказать, что ознакомились со многими страницами той, еще до сей поры не дочитанной книги, которая называется русской жизнью“.

Работа г. Котляревскаго важна также и въ томъ отношеніи, что она пролагаетъ новые пути для послѣдующихъ изыскателей и открываетъ широкія перспективы для новыхъ точекъ зрѣнія. Дальнѣйшая разработка творчества Гоголя, быть можетъ, не остановится передъ неразрѣшимостью задачи, которую представляютъ собой жизнь и творчество писателя въ послѣдніа десять лѣтъ его жизни, и докажутъ ту а priori кажущуюся истину, что въ немъ Россія имѣла честнѣйшаго сына своей родины, положившаго всѣ силы на то, чтобы сдѣлать свой талантъ орудіемъ служенія высшимъ идеаламъ общества, независимо отъ его личнаго пониманія этихъ идеаловъ. И книга г. Котляревскаго поможетъ рѣшить эту задачу.

Немаловажное значеніе имѣетъ и трудъ проф. Овсяннико-Куликовскаго, не вполнѣ, какъ можно думать, законченный и разработанный въ деталяхъ. Важны общія соображенія, и особенно методъ изслѣдованія, своеобразный, непосредственно изслѣдующій творчество писателя въ его существѣ. Работу эту слѣдуетъ имѣть въ виду, читая книгу г. Котляревскаго, но и сама она нуждается въ общемъ историческомъ отвѣщеніи, которое въ ней, сообразно цѣлямъ автора, почти отсутствуетъ.

Этюдъ г. Овсяннико-Куликовскаго открывается общимъ разсужденіемъ о художественномъ методѣ Гоголя. Для выясненія послѣдняго авторъ сопоставляетъ его съ тѣмъ, какъ творилъ Пушкинъ. Дѣла писателей на художниковъ-наблюдателей, преслѣдующихъ *правдивое* изображеніе жизни такую, какъ она есть, и художниковъ-экспериментаторовъ, дающихъ въ своихъ произведеніяхъ субъективно созданный *нарочитый подборъ извѣстныхъ чертъ*, въ особомъ освѣщеніи, благодаря чему изучаемая художникомъ сторона жизни выступаетъ такъ ярко и отчетливо, что ея смыслъ становится понятенъ всѣмъ,— авторъ видитъ высшій образецъ первыхъ въ Пушкинѣ, а въ Гоголѣ— высшій образецъ вторыхъ. Художникъ-экспериментаторъ, вызвавшій

у Пушкина скорбный возгласъ: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ при чтеніи отрывка „Мертвыхъ Душъ“, по самой натурѣ своей долженъ былъ представлять, какъ геній жизнерадостный и уравновѣшенный, прямую противоположность Гоголю, натурѣ неровной, болѣзненно-воспримчивой и неясной.

Авторъ даетъ такую общую характеристику Гоголю: „сосредоточенный и замкнутый въ себѣ, неэкспансивный, склонный къ самоанализу и самобичеванію, предрасположенный къ меланхолии и мизантропии, натура неуравновѣшенная, Гоголь смотрѣлъ на Божій міръ сквозь призму своихъ настроеній, большею частью очень сложныхъ и психологически-темныхъ, и видѣлъ ярко и въ увеличенномъ масштабѣ преимущественно все темное, мелкое, пошлое, узкое въ человѣкѣ. Кое-что изъ этого порядка отрицательныхъ явленій онъ усматривалъ и въ себѣ самомъ—и тѣмъ живѣе и болѣзненнѣе отзывался онъ на эти впечатлѣнія, идущія отъ другихъ, отъ окружающей среды. Онъ изучалъ ихъ одновременно и въ себѣ, и въ другихъ. Находя въ себѣ нѣкоторые недостатки или „мерзости“, какъ онъ выражается, онъ ихъ приписываетъ своимъ героямъ, а съ другой стороны, чужія „мерзости“, изображенныя въ герояхъ, онъ сперва, такъ сказать, примѣрялъ къ себѣ, навязывалъ себѣ, чтобы лучше взглядѣться въ нихъ и глубже постичь ихъ психологическую природу. Это были своеобразные приемы экспериментальнаго метода въ искусствѣ“.

Гоголь постоянно, съ ранняго дѣтства, производилъ *опыты* надъ людьми. Онъ даже ссорился, какъ извѣстно, съ своими друзьями, съ единственной цѣлью заставить ихъ высказаться о себѣ и посмотрѣть на нихъ въ гнѣвъ. Въ этомъ сказывались моралистъ и художникъ въ одно и то же время. Этика и искусство шли у него рядомъ. Движеніями души человѣческой онъ не переставалъ интересоваться никогда. Постоянно просилъ онъ друзей сообщать ему мелочи жизни и обстановки, характеристики-портреты знакомыхъ, отмѣчая въ нихъ типическія черты. Для него въ душѣ и сердцахъ человѣческомъ было столько неувидимыхъ оттѣнковъ и излучинъ, что каждый день могли случаться открытія и откровенія. Но не вся русская жизнь, въ ея цѣломъ, была предметомъ художественныхъ стремленій Гоголя, но лишь русскій человѣкъ, въ собирательномъ смыслѣ, психологія русскаго человѣка, тѣ ея вопросы, которые онъ опредѣлялъ терминомъ „душевное дѣло“. Въ одномъ изъ писемъ къ П. А. Шлетневу онъ говорилъ, что ему былъ издавна дарованъ Богомъ драгоценный даръ *сматри души* челоѣка. Эта экспериментирующая сторона Гоголевской природы многое объясняетъ въ писателѣ и, между прочимъ, тѣ недоразумѣнія которыя постоянно возникали у него съ друзьями.

Чрезвычайно интересны соображенія автора объ умѣ Гоголя. От-

и́чая одно изъ многихъ противорѣчій Гоголя, именно то, что, съ одной стороны, въ его жизни видна упорная и неустанная работа ума, а съ другой—несомнѣнные признаки умственной лѣни, г. Овсяннико-Куликовскій опредѣляетъ его, какъ человѣка мыслящаго, работающаго головою, характернымъ терминомъ: „трудюбивый лѣнivecъ“. При логической непримиримости этихъ понятій, психологически авторъ объясняетъ ее такъ, что это противорѣчье вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ ума человѣческаго, изъ тѣхъ психологическихъ особенностей, которыми сфера мысли отличается отъ другихъ сферъ психики,—отъ чувства и воли. По самой своей природѣ умъ—постоянный работникъ, работающій неустанно, какъ часы. Но онъ неохотно мѣняетъ направление и ходъ своей работы, неохотно расширяетъ свой кругозоръ, приобретаетъ новые интересы. Ему свойственна извѣстнаго рода консервативность.

Природа награждаетъ нѣкоторыхъ „счастливо организованными“ умами, одаренными исключительной гибкостью и широтой умственныхъ интересовъ, открытыми всѣмъ впечатлѣнiямъ и возбужденiямъ мышления. Такiе умы радостно и бодро идутъ впередъ вмѣстѣ съ человечествомъ. Таковы были—Гёте и нашъ Пушкинъ, лозунгомъ котораго было—„на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“...

Гоголь принадлежалъ къ совершенно особому типу.

Будучи современникомъ великихъ событiй въ умственной и общественно-политической жизни западной Европы, гдѣ онъ такъ долго жилъ, онъ почти ничѣмъ не отозвался на нихъ и остался въ сторонѣ отъ могучаго движенiя въ сферѣ европейской литературы, наукъ, искусствъ и философи. Поэтическое наслѣдiе Гёте, Шиллера, Байрона, французская литература, съ Гюго, Ламартиномъ, Жоржъ-Зандъ, Бальзакомъ, философскiя теченiя, шедшiя отъ Гегеля, Фихте, Шеллинга и, рядомъ съ ними, гуманитарныя и освободительныя идеи,—вся эта работа умовъ, „вся эта жизнь и роскошь духа“, для Гоголя не существовала; даже интересъ къ пластическому искусству, проявившiйся въ немъ, не вызвалъ сколько-нибудь значительной работы мысли, ни даже желанiя познакомиться съ литературой по исторiи и теорiи искусства.

И тѣмъ не менѣе, этотъ умъ произвелъ гигантскую работу и при томъ такую, какая подѣ силу только гениальному художественному уму.

Въ объясненiе этого факта авторъ указываетъ снова на ту двойственность, которая существуетъ въ умственной дѣятельности человѣка. „Всякiй человѣкъ,—говоритъ онъ,—является въ жизни своей одновременно и „мыслителемъ“ (у всякаго своя философи), и „ученикомъ“ жизни, цивилизаци, новыхъ идей, новыхъ сужденiй и построений, новыхъ завоеванiй науки, философи, искусства. Отношенiе въ каждомъ

изъ насъ „мыслителя“ къ „ученику“ бываетъ весьма различно: одинъ является одинаково хорошимъ „мыслителемъ“ и „ученикомъ“, другой— „хорошимъ мыслителемъ“ и плохимъ „ученикомъ“, третій—наоборотъ и т. д. Есть люди, которые всѣмъ интересуются, за всѣмъ слѣдятъ, все читаютъ, и въ результатъ въ головѣ у нихъ получается нѣкоторая каша, которую они называютъ міросозерцаніемъ: это—хорошіе, т.-е. прилежные „ученики“ и совсѣмъ ужъ плохіе „мыслители“...

Гоголь, наоборотъ, былъ отличнымъ „мыслителемъ“ и совсѣмъ плохимъ, лѣнливымъ „ученикомъ“. Ему болѣе всего была свойственна „обломовщина“ ума, какъ органа познанія и движенія мысли.

Геніально-творческій умъ Гоголя былъ темный умъ. „Излишние приводятъ доказательства умственной темноты Гоголя,—говоритъ авторъ:—многія страницы „Выбранныхъ мѣстъ“ и писемъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о ней (одно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ—вѣра въ чорта). Гораздо важнѣе показать, что этотъ темный умъ былъ великій умъ и что, пребывая во тьмѣ, Гоголь иногда видѣлъ и понималъ то, чего часто не видятъ и не понимаютъ люди, вышедшіе изъ тьмы, умы просвѣщенные“... Огромный умъ Гоголя слишкомъ много тратилъ и слишкомъ скудно питался. Отсюда—недостатокъ свѣта и отсутствіе широкихъ идей.

Въ этой же главѣ авторъ существенно выясняетъ значеніе Пушкина для самосознанія Гоголя, т.-е. сторону, недостаточно отгѣненную въ предыдущей книгѣ.

Не менѣе любопытна и та часть труда г. Овсяннико-Куликовскаго, которую онъ посвящаетъ психологіи отношенія Гоголя къ Руси, какъ цѣлому.

Это была прежде всего связь тяготѣнія великаго художника къ тому національному цѣлому, къ которому онъ принадлежалъ. Она сильнѣе всего ощущалась въ минуты вдохновеній, и особенно когда Русь представлялась ему изъ прекраснаго далека. Но, кромѣ общихъ, у Гоголя были и индивидуальныя пружины этой связи. Выясненіе ихъ составляетъ одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ книги.

Прежде всего авторъ указываетъ на то, что, несмотря на видимую замкнутость и неэкспансивность натуры, никто изъ писателей не раскрылъ намъ своей души и своихъ тайныхъ помышлений съ такою полнотою, какъ Гоголь—и не только въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ, но и въ печатныхъ произведеніяхъ („Авторская исповѣдь“, нѣкоторыя страницы изъ „Выбранныхъ мѣстъ“). „Въ то время, какъ въ сочиненіяхъ и письмахъ Пушкина и Тургенева едва можно набрать сотню—другую *строкъ* этого рода признаній, въ литературномъ наслѣдіи Го-

голя они занимают *десятки страниц*. Как согласовать его съ столь извѣстной скрытностью, неэкспансивностью Гоголя?"

Противорѣчiе полное, но авторъ устраняетъ его слѣдующимъ образомъ.

По особенностямъ душевнаго склада и субъективному характеру творчества, центромъ, вокругъ котораго вращались всѣ интересы Гоголя, было его внутреннее „я“. Натура *эгоцентрическая*, Гоголь былъ всегда „полонъ собою“, всегда носился съ собою и невольно, повинаясь внутреннему импульсу, рассказывалъ о себѣ, живя по преимуществу рефлексией своего внутренняго бытiя. Такое положенiе многое уясняетъ въ Гоголѣ, въ особенности въ отношенiи его душевныхъ мукъ. „Слишкомъ центральное положенiе человѣческаго „я“ есть бремя неудобноносимое, — говоритъ авторъ. — Вниманiе, напряженно устремленное внутрь, утомляется скорѣе и больше, чѣмъ вниманiе, обращенное къ внѣшнему миру. Ибо и темно, и тревожно въ душѣ человѣческой, и взоръ, прикованный къ ея микрокосму, смотритъ въ темноту и по необходимости становится игралищемъ всего, что тамъ залезалось, что тамъ глухо бродитъ, что прячется, — разныхъ болѣе или менѣе допотопныхъ понятiй, спящихъ въ бессознательной сферѣ духа, различныхъ иллюзий сознанiя и тайныхъ самообмановъ чувствъ, имѣющихъ свой смыслъ и свою душевную правду, пока они скрыты, и становящихся ложью, когда обнаружены“.

Такъ было и съ Гоголемъ. Высказаться, „исповѣдаться“, и притомъ публично, было для него, какъ для природы крайне эгоцентричной, глубокой душевной потребностью.

Его „эгоцентризмъ“ искалъ проявить свое „я“ не только въ творчествѣ, но еще въ чемъ-то иномъ, важномъ и достойномъ и его, и его призванiя. Авторъ опредѣляетъ это другое „осуществленiемъ общественной стоимости“ человѣка, понимая подъ этимъ то, что испытываетъ человѣкъ, чувствуя себя величиной общественной и звеномъ въ психологической цѣпи, связующей людей въ организованное социальное цѣлое. Если онъ не чувствуетъ этого, то его общественная стоимость не можетъ считаться осуществленной. Такимъ образомъ, по автору, осуществленiе общественной стоимости предполагаетъ: а) общественное значенiе дѣятельности человѣка; б) признанiе этого значенiя обществомъ; в) сознанiе личностью, что она — величина общественная.

Симптомомъ стремленiя осуществить свою общественную стоимость является честолюбiе. У Гоголя оно было безгранично, вытекая не только изъ инстинктивнаго стремленiя — быть писателемъ-художникомъ, но и писателемъ-гражданиномъ, непосредственно влiяющимъ на общество. Этотъ выводъ автора особенно цѣненъ въ его изслѣдованiи; онъ

не новъ, но здѣсь его аргументація въ высшей степени наглядна и убѣдительна.

Когда Гоголь увидѣлъ значеніе своего творчества, онъ безсознательно, инстинктивно „ухватился“ за свое великое національное значеніе, какъ за суррогатъ общественнаго значенія, — онъ, смѣшавъ національное съ общественнымъ, сталъ смотрѣть на свое дѣло художника, какъ на орудіе осуществленія своей общественной стоимости. Работая надъ „Мертвыми Душами“ и поэтически созерцая Русь изъ прекраснаго далека, онъ легѣвалъ мысль или, скорѣе, иллюзію, будто тѣмъ самымъ онъ становится непосредственнымъ участникомъ общественной (въ обширномъ смыслѣ) жизни своего отечества, входитъ органическимъ звеномъ въ ту социальную среду, которую онъ называлъ „Русью“.

Эта „Русь“ понималась имъ по преимуществу какъ *государство*, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилась для него тою государственно-национальною средою, гдѣ онъ стремился стать единицей и даже *дѣйствующей силой*, орудіемъ которой должна была служить моральная проповѣдь.

Въ послѣдующихъ главахъ, столь же глубоко интересныхъ и блестяще построенныхъ, авторъ анализируетъ „душевное дѣло“ Гоголя, его мораль и мистику, останавливается на вопросѣ о національномъ, общерусскомъ значеніи его и въ заключеніе—даетъ этюдъ по психологіи гениальности писателя.

Тонкій психологическій анализъ, отчетливость метода и ясность изложенія—таковы основныя достоинства книги г. Овсяннико-Куликовскаго, книги, которая составитъ цѣнный и крупный вкладъ въ литературу о Гоголѣ.

Опытъ удачной общей характеристики Гоголя сдѣланъ въ небольшой брошюрѣ В. В. Каллаша: „Основныя черты личности и творчества Н. В. Гоголя“. Сжато, но выпуло отмѣчено все существенное, изъ чего складается трагическій образъ Гоголя — комика и юмориста. „Реализмъ и юморъ, какъ и лиризмъ—племенное достояніе у Гоголя; ихъ закрѣпляли у него природа и привычка. Они сильны у него еще до сближенія съ Пушкинскимъ кружкомъ, и поэтому-то Гоголь такъ свободно идетъ на встрѣчу его реалистическимъ тенденціямъ, такъ быстро становится съ нимъ въ ногу и такъ легко обгоняетъ большинство его представителей—въ періодъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“.

Авторъ не согласенъ съ тѣмъ значеніемъ, которое придаютъ обыкновенно вліянію, произведенному на Гоголя Пушкинскимъ и его кружкомъ.

„Кто хоть немного знакомъ съ перепиской Гоголя, — говорить по этому поводу авторъ, — тотъ знаетъ, что еще съ дѣтства онъ очень высоко ставилъ свое призваніе, понималъ всю исключительность своей натуры и все величіе своей будущей общественной роли. Послѣ нѣсколькихъ колебаній и шатаній, еще до сближенія съ Пушкинымъ, онъ, такъ сказать, специализируется на литературѣ и сразу же выдвигается въ первые ряды писателей“...

Однако, фактъ значительности этого вліянія засвидѣтельствованъ тою же перепиской, и самъ г. Каллашъ признаетъ, что „своими совѣтами Пушкинъ заставилъ своего молодого собрата пополнить нѣкоторые вопіющіе пробѣлы своего образованія, научнаго и литературнаго, взяться за болѣе крупные сюжеты, вполне сознать основную особенность своего таланта“. Здѣсь далеко еще не все, что далъ Пушкинъ своему гениальному собрату, но и этого совершенно достаточно, чтобы признать за вліяніемъ Пушкина фактъ весьма знаменательный для Гоголя.

Для насъ же знаменательно то, что критическая разработка твореній Гоголя (равно какъ и Пушкина) вступила въ тотъ фазисъ своего развитія, въ которомъ широкое обобщеніе уже можетъ идти рядомъ съ анализомъ, идущимъ все глубже и глубже, содѣйствуя въ той же мѣрѣ изученію творчества писателя, какъ и росту историческаго самосознанія общества. Въ этомъ отношеніи за каждымъ изъ названныхъ авторовъ, въ связи съ общимъ характеромъ ихъ работъ, запишется въ исторіи русской литературы немаловажная заслуга.

Наша замѣтка объ изданіяхъ, посвященныхъ Гоголю, была бы неполна, еслибы мы не упомянули о научно-литературномъ сборникѣ „Памяти Гоголя“, изданномъ „Историческимъ обществомъ Нестора-лѣтописца“, подъ редакціей Н. П. Дашкевича. По обширности и разнообразію матеріала, этотъ сборникъ долженъ занять выдающееся мѣсто въ ряду юбилейныхъ изданій.

Въ началѣ помѣщенъ не лишенный своеобразнаго интереса отчетъ о чествованіи „Историческимъ обществомъ Нестора-лѣтописца“ памяти Гоголя, въ день пятидесятилѣтія со дня его смерти. Чествованіе это было нарушено многими обстоятельствами, не имѣвшими никакого отношенія ни къ наукѣ, ни къ литературѣ. Предполагалось устройство торжественнаго засѣданія и ряда лекцій о Гоголѣ, но высшее мѣстное учебное начальство, „въ силу мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ“ (уличныхъ демонстрацій и студенческихъ волненій), не нашло

возможнымъ разрѣшить чествованіе Гоголя въ стѣнахъ университета и тамъ же читать о немъ лекціи. Хотя нѣсколько лекцій и было прочитано, послѣ разнообразныхъ затрудненій, въ Биржевомъ залѣ, но они, „по независящимъ отъ общества и лекторовъ обстоятельствамъ“, привлекли сравнительно ограниченное количество слушателей. Обществу пришлось, такимъ образомъ, отказаться отъ предполагаемаго торжественнаго засѣданія, и оно ограничилось напечатаніемъ составленныхъ для него рѣчей, которыя и образовали „Гоголевскій сборникъ“.

Изъ многочисленныхъ статей о Гоголѣ, вносящихъ новыя и нерѣдко интересныя соображенія въ объясненіе творчества писателя, назовемъ статьи гг.: Шаровольскаго („Юношеская идиллія Гоголя“), Петрова („Южно-русскій народный элементъ въ равныхъ произведеніяхъ Гоголя“), Марковскаго („Исторія возникновенія и созданія „Мертвыхъ Душъ“), Лободы („Комедіи Гоголя въ связи съ развитіемъ русской комедіи“ и другими его произведеніями), Дашкевича („Значеніе мысли и творчества Гоголя“), Александровскаго („Гоголь и Бѣлинскій“) и др.

Въ интересной статьѣ о научныхъ и литературныхъ произведеніяхъ Гоголя, по исторіи Малороссіи г. Каманинъ приходитъ къ заключенію, на основаніи разбора мѣтній Скабическаго, Тихонравова и др., что эти произведенія Гоголя были поняты и правильно оценены только Пршкынымъ, Бѣлинскимъ и Максимовичемъ,—„тѣ же изслѣдователи, которые занялись болѣе обстоятельно изученіемъ историческихъ статей и повѣстей Гоголя, приступили къ нимъ безъ достаточной подготовки и знакомства съ источниками южно-русской исторіи и съ недобрымъ чувствомъ подозрительности къ поэту“.

Въ статьѣ „Н. В. Гоголь, какъ эпическій писатель“, г. Малининъ характеризуетъ „рѣшительное“ вліяніе Гоголя, продолжающееся до нашихъ дней. Заслуга эта выражается въ закрѣпленіи реализма и народности въ литературѣ, въ расширеніи содержанія литературнаго творчества и въ утвержденіи господствующаго значенія за нѣкоторыми этическими и драматическими формами литературы. Указывая на отношеніе къ Гоголю Щедрина, Некрасова и Островскаго, авторъ говоритъ: „вліяніе творчества Гоголя, впрочемъ, далеко выступаетъ изъ границъ той литературы, которую мы обычно относимъ къ сатирической—по принятой литературной теоріи. Въ генетической связи съ творчествомъ Гоголя стоитъ направленіе, а отчасти и содержаніе литературной дѣятельности Достоевскаго. Замѣтно бросается въ глаза аналогія между исторіею творчества Н. В. Гоголя и Л. Н. Толстого. У того и другого религіозные вопросы сдѣлались преобладающимъ предметомъ мысли и творчества въ послѣдніе годы ихъ жизни. Впрочемъ, въ обоихъ случаяхъ можетъ и вовсе не существовать гене-

тической связи, а сказываться лишь свойство дарованія обоимъ писателей и значеніе эпохи, которая выдвигаетъ извѣстные вопросы. Точно такъ же трудно сказать, въ какой мѣрѣ „Война и Миръ“, эта эпопея изъ русской исторіи XIX вѣка, была навѣяна эпопеей Гоголя „Тарасъ Бульба“; но едва ли можно оспаривать, что реализмъ Толстого опредѣлился не безъ вліянія творчества Гоголя. Даже такіе представители нашей литературы, какъ Тургеневъ и Гончаровъ, считавшіе своимъ учителемъ Пушкина, испытали на себѣ вліяніе творчества Гоголя. Иначе и быть не могло: послѣдующія явленія литературы и жизни есть порожденіе совокупности явленій предшествующихъ. Геній Гоголя, своеобразность и съ тѣмъ вмѣстѣ высокая жизненность его произведеній такъ очевидны для людей, одаренныхъ художественнымъ чутьемъ, что остаться внѣ вліянія ихъ было прямо невозможно. Тургеневъ говоритъ о себѣ, что сочиненія Гоголя онъ зналъ чуть не наизусть. Онъ же прибавляетъ, что „нынѣшнимъ молодымъ людямъ даже трудно растолковать обаяніе, окружавшее тогда имя Гоголя. Поэтому возможно допустить, что „Записки Охотника“ Тургенева, какъ обращеніе къ воспроизведенію народнаго быта, остались не безъ вліянія „Вечеровъ на хуторѣ“. Мы говоримъ не объ идеѣ „Записокъ“, а объ ихъ формѣ и народномъ бытѣ, какъ предметъ разсказовъ Тургенева. По словамъ послѣдняго, „между міросозерцаніемъ Гоголя и его лежала цѣлая бездна“.

Г-нъ Дашкевичъ даетъ характеристику религіозно-нравственнаго состоянія Гоголя въ послѣдніе годы его жизни. Въ общемъ итогъ оно представляется изслѣдователю въ такомъ видѣ, что въ Гоголѣ, какъ нравственной личности, шла ожесточенная борьба двухъ началъ — эгоистическаго и альтруистическаго съ ихъ разнообразными проявленіями. Первое жило въ немъ, какъ естественное влеченіе природы, какъ стихійная сила, въ той или иной степени присущая каждому человѣку; второе выступало, какъ сознательно поставленная норма, какъ высшій идеаль, покоящійся на религіозной основѣ. Недостигаемая высота христіанскаго идеала, въ связи съ высокой добросовѣстностью въ отношеніи къ предъявленнымъ къ себѣ нравственнымъ требованіямъ, дѣлали поставленную Гоголемъ задачу трудно достижимою, и самое стремленіе разрѣшить ее доставляло Гоголю много глубокихъ физическихъ и нравственныхъ страданій. Въ послѣднія минуты жизни Гоголь напоминаетъ собой изслѣдователю надѣленный сознаніемъ потухающій вулканъ, который чувствуетъ потребность потрясти небо и землю своими громовыми ударами, но у котораго хватаетъ силъ только для одного жалкаго шипѣнія.

„Гоголь у насъ не одинъ, — замѣчаетъ авторъ въ концѣ своей весьма интересной статьи. — Въ нашемъ недалекомъ историческомъ

прошломъ можно было бы указать не мало славныхъ дѣятелей, которые мучились музами Гоголя, которые страдали его страданіями. Но зачѣмъ намъ далеко ходить за примѣрами, когда на нашихъ глазахъ угасаетъ жизнь другого великаго писателя Русской земли, который, не найдя, подобно Гоголю, въ жизни данныхъ для воплощенія въ живыхъ образахъ томящихъ его идеаловъ, бросилъ кисть художника съ тѣмъ, чтобы хоть въ сухихъ логическихъ схемахъ выразить свои завѣтныя думы. Гдѣ же причины этого явленія? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать въ печально сложившейся исторіи нашего многострадальнаго народа. Нужно сознаться, что историческая судьба нашего народа была для него скорѣе мачихой, чѣмъ матерью родной. Вынужденный съ колыбели своей больше страдать, чѣмъ наслаждаться, русскій человѣкъ привыкъ въ этомъ горестномъ положеніи своемъ искать утѣшенія въ вѣрѣ въ другую, лучшую жизнь, гдѣ вѣтъ ни насильниковъ, ни обидчиковъ, гдѣ живетъ одна правда, гдѣ царствуетъ одна любовь "...

Къ изданію приложены нѣсколько превосходно исполненныхъ портретовъ и рисунковъ, а также каталогъ Гоголевской выставки, составленный г. Чаговцемъ.—Евг. Ляцкий.

